

Монолог по вертикали

Дарья КОРОБОВА

Н есправда, что актриса Валентина Караваяева была символом советской кино-эпохи, ибо другой, хотя бы похожей артистической индивидуальности эта эпоха не создала. Неправда, что она была сексуальным символом поколения. Сексуальна – вне всякого сомнения: мужчины 40-50-х выбирали себе в жены девушек, хотя бы отдаленно напоминавших Караваяеву, сохраняя при этом до конца дней своих фотокарточки актрисы. Женщины же, естественно, тиснились хоть чуточку походить на эту маленькую экранную героиню. Заметьте – на нее, а не на совершенных, скульптурно-монументальных красавиц: Орлову, Извицкую, Ларионову. Так и жили, так и женились. Караваяева вообще не была символом в силу своей поразительной достоверности, девичьей органичности. Абсолютно реальна, потому что не причесана, не напомажена, брови не выщипаны, да и платье сидит как-то кургузо. Сейчас уже можно сказать: какая, однако, хорошая актриса эта Караваяева! Как естественна, как непосредственны ее реакции, сколько лирического драматизма и человеческой правды в самом ее экранном существовании. Тогда же, в году 42-м, была только влюбленность в девушку, которую и Машей-то назвать в голову не придет. А потому звали ласково – Машенькой.

Принято считать, что судьба актрисы Валентины Караваяевой складывалась трагично. Истинная правда – трагическую несовместность с кинематографом, театром, жизнью можно отыскать на каждом выражении ее биографии. Самые первые ее киноопыты света не увидели в силу, как говорят, причин “советских” – то одно помешает, то другое. Но стоит ей появиться в картине Юлия Райзмана “Машенька” – и чисто-сердечной зрительской влюбленности, кажется, не будет конца. Но – по дороге на съемочную площадку следующего же фильма Караваяева попадает в автокатастрофу: не пострадал никто, только ее лицо изрезано битым стеклом. Следом – брак с английским подданным, отъезд, не вполне удавшиеся попытки по-

править лицо. Потом – категорическое возвращение, приход к Юрию Завадскому в театр имени Моссовета, толком не состоявшийся из-за ее опалы, наверняка вполне предсказуемой. Неудачная попытка самоубийства, годы “закадровой” работы (к примеру, волшебным голосом Караваяевой разговаривали Грета Гарбо в “Даме с камелиями”, Мишель Морган в “Детях райка”), наконец, последняя кинороль – Эмилия в “Обыкновенном чуде” Эраста Гарина. Жила одна в крошечной квартире, там однажды и умерла. После смерти нашли странный архив – около тридцати километров беззвучной любительской киноплёнки и больше двадцати часов записи голоса Валентины Караваяевой. Любопытству нет предела.

Первейшим и быстрейшим среди любопытных оказался режиссер Георгий Параджанов (племянник своего дяди, снявший до того две короткометражные ленты: “Сезон похорон” и “Джадо”). Надлежащим образом изучив и обработав таинственное наследие Караваяевой, Г. Па-

раджанов явил миру документальный фильм, назвав его скромно, но с достоинством: “Я – чайка!..”. Посвятил его как раз трагической судьбе актрисы, несостоявшейся из-за рокового стечения обстоятельств. Недавно московский его показ прошел в ЦДРИ. Говорят, с первых просмотров некоторых слабых сердцем и нервами зрителей выводили под руки. Караваяеву сочли едва ли не гениальной, но не вполне вменяемой. На старой потрескавшейся киноплёнке она неистово, чересчур экзальтированно размахивала руками, устремляя в никуда беззвучные монологи. Фоном звучали отрывки из чеховской “Чайки” (вот она – художественная параллель!) и толстовской “Анны Карениной” – слишком темпераментные и оттого страшные.

Собственно, начался фильм с кладбищенской стены. Кроме заросшего бурьяном могильного холма был и мрачный закадровый голос самого Г.Параджанова, с толком и расстановкой повествовавший о судьбе и роке, и медлительные музыкальные бряцания, и впечатляю-

щая иллюстрация автокатастрофы: женщина, распростертая в луже у блестящей от дождя машины со следами недавней реставрации. И фотографии актрисы в одном и том же ракурсе – чтобы прикрыть изувеченную сторону лица, и воссозданный режиссером интерьер квартиры, где она... Саспенс, хоррор, триллер и детектив в сорока минутах экранного времени. Можно даже забыть, о ком, собственно, речь, если бы не сама Валентина Караваяева. Если бы не кадры из “Машеньки”: “А вы Маркса читали? Ну и как?..”, не дивная ее светящаяся улыбка, не возмутительно неопрятная прическа, не громадные прекрасные глаза.

Бог мой, какой радицикл можно было бы сотворить: Валентина Караваяева читает сцены из “Карениной”. Закадровые нехорошее подозрение – не самые ли провокационные, близкие к высокохудожественной истерике отрывки записей караваяевского голоса избрал режиссер для своего опуса о судьбе и роке? Но и они необыкновенно хороши, если отвлечься от дешевых замомильных трюков и спецэффектов. Эти записи – целые спектакли (Караваяева читает по ролям – за Анну, Сережу), разыгранные одним лишь голосом, с шепота в крик, но в этом – стиль, очень личное переживание, проживание, актерский труд.

Что до киноплёнки – она действительно пугает. Не потому, что memento mori, просто контекст не верен. Г.Параджанов утверждает, что в жилище Валентины Караваяевой со стен выразительно смотрели портреты различных артистов – ихто он и счел воображаемыми партнерами, с которыми она вела диалог, к которым обращала реплики. Неправда, не к ним. Неужели режиссер не заметил, куда в самом деле повернуто лицо актрисы, куда тянет она руки? Вверх, по вертикали, в потолок, в небо, в космос, если пожелаете. И лицо ее – счастли-

вое, и улыбка – не печальная, но радостная – не сумев “реализоваться” в советском кино она как будто бы нашла своей артистической энергии и чувственной переполненности лучшее применение. Последнюю сентенцию можно оспорить, но, все же, очевидно: в записях Караваяевой не больше безумия, чем в актерстве, лицедействе вообще. Эти киноплёнки не имеют никакой художественной ценности с точки зрения искусства перевоплощения, решения образа, подачи материала. Они – откровение, которого, возможно, нам не стоило бы видеть вовсе, дабы не истолковать превратно. Не разрушить очарования маленькой мужественной героини черно-белого кино, не позабыть от пошлого испуга всей влюбленности в нее.

Биография Валентины Караваяевой действительно драматична. А актриса она замечательная, приобретающая с годами истинный трагический темперамент, о чем позволяют судить записи ее голоса. Г.Параджанов волен поправить меня: “была бы”. Да, но если б не было этих километров плёнок, с которыми следовало бы обращаться куда бережнее и трепетнее. Право же, не стоит превращать своеобразное наследие актрисы в устрашающую провокацию для сердечников.

“Не смотрите на меня. Лицо обветрилось. Впрочем, к дьяволу все. Смотрите. Вот я какая,” – говорит Эмилия, героиня Валентины Караваяевой (сколько же лет прошло между персонажами двух ее фильмов!) Эмилию, старинному влюбленному. Караваяева не отворачивает лица, не прячет от камеры своих дефектов. “Надо же, как это все накладывается...” – думаем мы. Нужно ли нам знать об этом, нужно ли вспоминать каждый раз, глядя на молодое лицо образца 42-го года? Нельзя ли обойтись без грубостей и плоскостопных выводов? Этот маленький эпизод на самом деле – большая роль большой актрисы. Никакой экзальтации. Любуйтесь, дорожите.

● Валентина Караваяева в фильме “Машенька”

Журнал и
сцена